

VI. ЛЕТОПИСЬ В XVII в.

Глава 20

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕТОПИСНЫХ ПРИЕМОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XVII в.

1

СЕМНАДЦАТОМ веке государственное значение летописания гаснет. Летописание, которое в предшествующие века было не только историей Русского государства, но и государственной историей, велось государственной заботой,—отныне становится по преимуществу частным делом отдельных авторов. Летописание утрачивает свой официальный характер и сохраняется лишь по областям — в Новгороде, в Пскове, по монастырям, отдельным церквам, в архиепископиях и т. д.

Московское летописание прекращается, однако, не потому, что исчезла потребность в работах исторического характера, а, наоборот, вследствие необычайного роста этих потребностей, их усложнения и разнообразия. Летопись уже не может удовлетворить запросов исторической мысли, а запросы эти шли не только со стороны обычных читателей: к историческим справкам вынуждены постоянно прибегать московские дипломаты, особенно в дипломатической борьбе за киевское наследие¹ с поляками и в сношениях с другими западными госу-

¹ См.: В. Савва. „Московские цари и византийские василевсы“, 1901.

дарствами; к сложным и подробным историческим справкам вынуждены обращаться московские приказы, архивы, московская патриархия и т. д. Так, например, в 1606 г. при отправке русского посольства в Польшу был составлен очерк событий русской истории последнего времени.

Вместе с тем, все отчетливее становилась потребность в создании общих обзоров русской истории, строго подчиненных единой официальной точке зрения на события, — обзоров воспитательного и учебного характера. Политика русского правительства нуждалась в историческом обосновании, более сжато и более определенно сформулированном, чем это могли дать летописи. Никоновский летописный свод был произведением исключительным. Создатели его ставили себе задачей ответить на все запросы государственной исторической мысли своего времени. Но при всей своей грандиозности и огромных затратах, он не выполнил предназначеннной ему роли: был слишком громоздок, вместе с тем не точен, неудобен к пользованию для сотен нуждавшихся в нем государственных чиновников.

На смену летописания в XVII в. прочно утвердились исторические повести, хронографы и степенные книги с продолжениями, охватывающими события последних лет. Попрежнему делаются попытки создать сложные и пространные исторические компиляции: „Латухинская степенная книга“, „Новый летописец“ и др. Но, по существу, эти исторические компиляции далеки от задач, которые ставили себе прежние летописцы.

О том, как в XVII в. осуществлялись эти попытки создания официальной историографии, дает представление история Записного приказа, организация которого была освещена в специальном исследовании С. Белокурова.¹

Записной приказ был образован в 1657 г. указом Алексея Михайловича. Задачей его было написать „степени и грани“

¹ „О Записном приказе“: С. А. Белокуров. „Из духовной жизни Московского общества XVII в.“, М., 1903; Л. В. Черепин. „Смута и историография XVII в.“, Исторические записки, № 14, 1945.

русской истории, начиная от царя Федора Ивановича „попынешний по 166-й год“ (т. е. по 1657 г. н. э.). Поручение это было возложено на дьяка Тимофея Кудрявцева. Ему в помощники было назначено 8 человек подъячих: два старых и шесть молодых. Но и это число считалось небольшим, так как Кудрявцев постоянно хлопотал об увеличении числа своих помощников. Характерно, что бумагу для этого приказа (в немалом количестве) приказано было взять из Посольского приказа; кроме того, материалами Посольского приказа в первую очередь следовало пользоваться для нового исторического труда. Таким образом, возрождая историческую работу, московское правительство пыталось возродить и те прочные связи, которые существовали в XVI в. между летописанием и Посольским приказом. Однако дьяки Записного приказа — Кудрявцев, а вследствии сменивший его Кунаков — намеревались вести не летопись, а создать произведение типа степенной книги. Это видно не только из формулировок указа о задачах приказа („записывать степени и грани“), но и из того материала, который подбирался дьяками для их работы: искали степенные книги, хронографы, Временник дьяка Тимофеева и др.

Навыки и приемы летописания, вытесняемые и в самой летописи иными стилистическими особенностями, шедшими и от документа, и от исторических повестей, не исчезают бесследно. Вытесняемые из летописания, они начинают оказывать заметное влияние вне его пределов. Приемы летописания, лежащие в его основе исторические принципы и методы оказывают воздействие на все виды исторических жанров, многие из которых еще воспринимались читателями, как летописные.

Таким образом, даже после того как летописание распалось и утратило в литературе свои центральные „московские“ позиции, оно продолжало воздействовать на другие исторические жанры. Летописание не перестало быть ведущим жанром русской литературы даже после того, как оно фактически перестало существовать в Москве. Это парадоксальное положение создалось потому, что летописание прекращало свое

развитие не потому, что исчезли потребности в нем, а наоборот, вследствие такого увеличения и усложнения этих потребностей, когда фактически ведение летописания в необходимых размерах и формах становилось невыполнимым, хотя принципы и приемы летописания и оставались действительными.

2

Обратимся к примерам. Бурные события начала XVII в. вызвали огромный подъем исторической мысли. О событиях начала XVII в. появилось огромное число исторических произведений, частью современных „Смуте“, частью составленных вскоре же после нее. Мы почти не можем назвать летописей, кроме псковских и новгородских, в которых бы события эти нашли свое отражение, однако влияние и летописной формы, и летописной мысли ярко ощущается во всех исторических произведениях о „Смуте“.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что, хотя историческая повесть начала XVII в. стремится отойти от формы погодового изложения летописи и достигнуть связного внутренне и внешне цельного повествования, годовые статьи летописи продолжают оставаться действенными и для нее.

Исторические повести о „Смуте“ нигде не отступают от строго хронологического способа изложения. Хронологическая последовательность изложения событий попрежнему остается своего рода литературным принципом. Дьяк Иван Тимофеев в своем „Временнике“ объявлял главным долгом исторического писателя описывать события по порядку, не смешивая хронологии: „... не вем бывших: кое-что был коего попреди, ли послежде; и поносно бо есть писателю, не ясно ведущэ, сущая вещи описывать, извет полагая постижении, и бывшая деяния неиспытне воображати, предияя последи писати, последняя же напреди, ниже подробну“.¹

¹ Русск. истор. библ., т. XIII, 1892, стр. 470.

Наиболее ранняя из исторических повестей о „Смуте“ — Повесть 1606 года представляет и наиболее типичные случаи зависимости от летописной формы. В отличие от житийной литературы и Хроники Манассии, давших Повести 1606 г. образцы литературной разработки исторических сюжетов, в ней значительно больше точных хронологических ссылок; в известной мере она еще зависит от летописной манеры описания событий по годам. Летоисчислительная форма, точные даты — погрежнему сохраняют свое устойчивое положение в повествовании. Повесть 1606 г. начинается следующим образом: „Божиим изволением, паче же его человеколюбивым хотением, бысть в лето 7092-е, в нем же преставися благоверный и христолюбивый и во благочестии пресветло сияющий государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Русии самодержец, месяца марта в 18 день“.¹

Как повесть 1606 г., так и всё Иное Сказание в целом пронизано этими точными хронологическими ссылками. Наряду с ними такою же точностью и подробностью отличаются и все топографические указания; тщательно перечисляются лица, явившиеся участниками исторических событий, их положение, полки, приведенные к битве, пути передвижения войска и т. д.²

Часть статей Иного Сказания сразу после своих названий указывает хронологические даты — в тех же выражениях, в которых это делается и в летописи: „О сонмиши мятежников на царя Василия. В лето 7118, февраля в 17 день, в суботу Сырныя недели...“.³ Или: „О чудеси бывшем. В четвертое

¹ Русск. истор. библ., СПб., 1892 г., т. XIII, стр. 1.

² „И во 112 году, августа в 15 день, поиде злонравный в Российский пределы двема дороги: от Киева чрез Непр реку, а иные идоша по Крымской дороге. И во 113 году, ноябрь в 26 день, пришед под Муромеск град...“ Русск. истор. библ., т. XIII, 1892 г., стр. 26. Или: „Князь же Василей да князь Иван Васильевич Голицыны, да Михайло Салтыков, да Петр Басманов со всеми своими полки прежде всех скоро поехаша, и паки с ними дети боярские и дворяне Ляпуновы с иными детми боярски ли, яко к битве, скоро устремишася“. Там же, стр. 4!

³ Там же, стр. 120.

лето царства царя Василия, октября в 20 день, с четвертка на пятницу, в полунощную годину, во церкви Архистратига Михаила...¹

По летописному подводится в Ином Сказании счет годам царствования, войны, пленаения и т. д. „Царствова на Московском государстве 4 лета и 2 месяца“ (о Василии Шуйском).² Или: „И тако Литовския люди обладаша Москвою 2 лета и месяц 6...“.³

Ни Повесть 1606 г., ни Иное Сказание в целом не представляют собою исключительного случая: эту точность хронологическую и топографическую, эти тщательные указания на участников событий и хронологические подсчеты мы без труда обнаружим во всех повестях о „Смуте“ — и первостепенных, и второстепенных.⁴

Это стремление соблюсти летописную точность нередко вступает в явное противоречие с украшенным, метафорическим и затемненным стилем исторического повествования первой половины XVII в., в особенности когда точное хронологическое указание сопряжено с метафорическим изображением самого события или лирическими восклицаниями. Ср., например, „Того же лета, марта в 19 день, излияся фиял горести...“⁵ „О ляте, о ляте быша нам нынешнего 114-го году, месяца мая в 18 день...“.⁶ „И в том же в 113-м году, мая в 9 день, воскликнуша в ползех воинские люди Рязанцы...“.⁷

¹ Там же, стр. 121, ср. также стр. 122 и след.

² Русск. истор. библ., т. XIII, 1892, стр. 123.

³ Там же, стр. 124.

⁴ Ср., например, в „Повести, како восхити царский престол Борис Годунов“; „и венчался царским венцем в 107-м году, сентября в 3 день, и царствова лет 7“ (там же, стр. 153), „пребывшу же ему на царстве 7 лет“ (там же, стр. 154). Или в повести кн. Ив. М. Катырева-Ростовского: „Царствова же благоверный царь Федор Иванович на Москве 14 лет мирно и безмятежно“ (там же, стр. 565) и др.

⁵ Там же, стр. 124 (Иное Сказание).

⁶ Там же, стр. 165 („Повесть, како восхити царский престол Борис Годунов“).

⁷ Там же, стр. 250—251.

Надо думать, что уже и сами авторы исторических повестей сознавали резкое противоречие суховатой деловитости точных летописных указаний с лирическою приподнятостью всего изложения в целом, но отказаться, тем не менее, от точных ссылок не могли: точность и хронологическая ясность повествования, попрежнему, как и во времена господства летописной формы, считались необходимым условием исторического повествования. Вот почему авторы повестей делают попытку изменить трафаретную, державшуюся столетиями летописную формулу: „в лето...“, украсив ее, изменив и беллетризовав. Так, например, в „Повести о некоей брани, належащей на благочестивую Россию“ мы встречаем такое, в высшей степени примечательное место: „В лето от создания всенародного Адама 7116-го году, в царство благочестивая державы Богом венчанного, и Богом помазанного, и Богом почтенного и христолюбиваго поборника...“¹

3

Влияние летописи на исторических повестях, посвященных „Смуте“, оказывается не только в заимствовании хронологической формулы летописной погодной статьи или в летописной точности и подробности записей, как бы стремящихся не упустить документальности в описании событий. Значение летописания для исторических повестей оказывается в самом отношении к ним — как к произведению общенародной памяти об исторических событиях.

В самом деле, сколько бы труда ни положил летописец на составление летописного свода, — он не рассматривает его как произведение личное, им только созданное и законченное. Летописные труды постоянно дополнялись, разрастались новыми записями. История никогда не имела для русских людей законченных¹ периодов, а всегда продолжалась современностью. Каждый летописец всегда стремился довести летописные записи

¹ Там же, стр. 250—251.

до своего времени. При этом летописцы продолжали своими записями не только собственные исторические труды. Вот почему летопись — это жанр без конца; его конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем. Эта особенность русского летописания неразрывно связана с тем поразительно острым чувством историзма, которое пронизывало собою всю русскую жизнь до XVII в. Настоящее, как продолжение истории, как живой и вечно продолжающийся итог: это своеобразное историческое восприятие постоянно сказывалось также и в исторических повестях о „Смуте“.

В большинстве случаев, несмотря на резко отличную от летописи форму, исторические повести рассматривались и самими авторами, и их читателями как своеобразные летописи: они постоянно дополнялись совершенно так же, как дополняются летописи — документами, частями, продолжающими основное повествование, и чисто летописными заметками. Это — своеобразные своды, построенные в композиционном отношении так же, как строятся своды летописные. Больше того, иногда исторические повести представляют собою единовременные композиции. Таково, например, Иное Сказание.¹

Основное ядро Иного Сказания — Повесть 1606 года. Замечательно, что уже самое это ядро носит характер летописного построения, поскольку в него внесены без всяких изменений документы („Извет старца Варлаама“² и три грамоты Лжедмитрия,³ писанные им до прихода в Москву). Факт внесения целиком документов в текст повести — не имеет себе аналогий ни в византийской исторической, ни в чисто повествовательной литературе: он идет целиком от летописи. К основ-

¹ В противоположность С. Ф. Платонову, считавшему Иное Сказание произведением, сложившимся постепенно путем разновременных наследий, Е. Н. Кушева выдвинула взгляд на Иное Сказание, как на одновременно (после 1623 г.) составленный компилятивный памятник („Из истории публицистики Смутного времени“, Ученые записки Саратовского Гос. университета, вып. 2, Саратов, 1926).

² Там же, стр. 42.

³ Русск. ист. библ., т. XIII, 1892, стр. 18 и след.

ному ядру Иного Сказания — Повести 1606 года были присоединены некоторые правительственные грамоты, объясняющие свержение Лжедмитрия и воцарение Василия Шуйского, после чего текст вновь получил продолжение. Заключалось Иное Сказание краткими заметками вполне летописного типа, сделанными, очевидно, читателями. Эти летописные заметки заключались в основном списке известиями о вступлении на престол Алексея Михайловича (1645 г.), а в списке Ленинградской Публичной библиотеки доводились до вступления на престол Петра I. Автором последних заметок был новгородец: в Новгороде прочнее, чем в Москве, держалась древнерусская летописная традиция.

По даре Алексея Михайловича воцарился сын его Федор Алексеевичъ всеса Руси в лето 7184-го году.

По немъ, даре, воцарился брат его Иоанн Алексеевичъ всеса Русии¹. И брат его воцарился Петр Алексеевичъ всеса Русии.²

Заключительные приписки к Иному Сказанию отчетливо показывают, что читатели долго еще считали его летописью и, соответственно, дополняли его своими заметками, заполняя пустое пространство между повествованием Сказания и своею современностью.

Мы привели в пример Иное Сказание — как самый значительный памятник исторического повествования XVII в., но тот же летописно-компилятивный характер композиции может быть легко усмотрен в пространном Сказании о поставлении на патриаршество Филарета Никитича³ и в хорошо известных: повести „О рождении князя Михаила Васильевича Скопина Шуйского“, в „Сказании“ Авраамия Палицына,⁴ в „Истории о первом Иове, патриархе московском“ и мн. др.

¹ Русск. ист. библ., т. XIII, стр. 144.

² Дополнения к Актам историческ., II, № 76.

³ Как реминисценция летописной композиции особенно характерно „Сказание“ Авраамия Палицына. Палицын дополнял свое произведение по мере развития событий, оно представляет собою, по существу, собрание („свод“) исторических произведений, выполненных Палицыным в разное время (см.: С. Ф. Платонов. „Древнерусские сказания и повести о Смутном времени“, 1913, стр. 223).

4

Самое начало XVII в. дало огромный подъем историческому повествованию и вместе с тем нанесло жестокий удар по летописанию. Впоследствии, во второй четверти XVII в., интерес к летописанию вновь вырастает. Многие из произведений исторического характера, созданные в первые годы XVII в., дополняются заметками чисто летописного характера. Возникают такие произведения, как, например, *Новый Летописец* („Книга, глаголемая Новый Летописец“). Отнюдь нельзя считать *Новый Летописец* — летописью в собственном смысле этого слова. С. Ф. Платонов так характеризует его форму: „...Новый Летописец не есть летопись в строгом смысле этого слова. Его повествование представляется читателю не рядом разновременных записей, сделанных по годам, а довольно цельным рассказом, составленным, так сказать, за один прием“¹ (около 1630 г.). Однако ряд признаков сближает все же *Новый Летописец* с летописью более, чем другие произведения. В нем чрезвычайно отчетливо выдержан характер „свода“ отдельных сказаний и вместе с тем не в малом количестве соединены чисто летописные заметки.

Если же в *Новом Летописце*, то в многочисленных приписках к более ранним историческим произведениям возрождается чисто летописная форма годовых статей. Неоднократно цитировавшееся нами выше *Иное Сказание* дает тому любопытные примеры. Годы царствования Михаила Федоровича даны заметками летописного типа. Летописный характер этих заметок выдержан с полной точностью. Автор их считает для себя абсолютно обязательным давать самые точные указания, и если не может точно сослаться на день, в который совер-

¹ С. Ф. Платонов. „Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в.“ СПб., 1913, стр. 316. Близость *Нового Летописца* к Степенной книге, к „Сказанию“ Авраамия Палицына и т. д. явствует и из работы Л. В. Черепнина: „«Смуга» в историографии XVII века“, Исторические записки, № 14, 1945.

шилось то или иное событие, то оставляет в тексте пропуск для последующего заполнения.

„Того же году, октября в « » день...“¹

„Того же лета, апреля в « » день...“²

„В лето 7136-го апреля в « » день...“³

„В лето 7137-го февраля в « » день...“⁴

„Той же весны, апреля в « » день...“⁵

„В лето 7142-го, октября в « » день...“⁶

„Во 147-м году, января в « » день...“⁷

„был на патриаршем престоле 6 лет и « » месяц...“⁸

„Во 152-м году, января в « » день...“⁹

Формула точной даты сохраняется не только в этих заключительных приписках к Иному Сказанию; их можно встретить, напр., в Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича¹⁰ и в других произведениях этой же эпохи второй четверти XVII в.

Прием этот как бы возвращает нас к самому началу русского летописания, когда летописец оставлял незаполненными часть годов: „В лето 6361. В лето 6362. В лето 6363...“ и т. д.¹¹